

РОЛЬ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В УЛУЧШЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

О. В. Ерохина

В историографии политики колонизации преобладают публикации, характеризующие экономическую деятельность колоний. Такие публицисты, как И. Корнис, Ю. Витте, Я. Швах, А. Клаус и другие¹, дают представление не только о путях достижения материального благополучия, но и о роли колонистов в разработке научных основ агрономии. Авторы используют многочисленные статистические таблицы, дающие представление о площади земельных наделов, количестве скота, выращиваемых культурах и т. д.

Они пытаются показать, что круговая порука и строгий контроль над каждым членом общества, существовавшие в колониях, непосредственно влияли на подъем хозяйства. «Сумели же мы эту разнородную смесь заграничных пришельцев, эти во многих случаях буйные, беспутные и всегда почти обнищавшие подонки всяких национальностей и культур, организовав в самом начале их поселения так, что, подчиняясь установленной законом системе, они, путем нормального хода жизни и мирского самоуправления, выработали из себя цветущие общины трудолюбивых земледельцев и промышленников», — писал Клаус². И не последнюю роль в распространении среди колонистов передового агрономического опыта отводили публикациям в местных колонистских газетах.

Важнейшим явлением в экономической жизни немецкой деревни во второй половине XIX в. стало образование «дочерних колоний», которые строились и хозяйствовались на государственной, купленной или арендованной земле. Основная масса таких колоний была основана в Войске Донском в конце 60-х годов, и расположились они вблизи портов и железных дорог. Так, в таганрогском округе все 109 немецких поселений были расположены вдоль линии Екатерининской железной дороги³.

Новые колонии состояли из немецких поселенцев, прибывших из Воронежской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, Херсонской, Волынской и Черниговской губерний, а также немцев, приехавших из Германии и не имевших российского гражданства. Законы Российской Империи того времени позволяли им приобретать в стране земельные участки и заниматься сельским хозяйством.

Однако эти колонии носили временный характер. Доказательством этому служит пример Областного Распорядительного Комитета, который открыл по книгам следующее: «...Миусская Земская Управа, по ошибке ли или из гуманности, в 1877 году, выдав немецкой колонии Фельзенбах, состоявшей из 13 дворов, ссуду из общего по Империи продовольственного капитала в 500 руб., потребовала через полицию возврата этой ссуды, но по донесении Окружного Начальника оказалось, что означенной колонии не существует, т. к. немцы продали свою землю и ушли на родину»⁴. Но само увеличение числа немецких колоний в Донской области свидетельствует о том, что немцы предпочитали оставаться здесь, нежели уехать.

Появление колонистов в Области Войска Донского пришлось на те годы, когда на юге России возобладали мощные экономические факторы, определившие зерновое направление южнороссийского сельского хозяйства.

Если вначале местные земледельцы занимались разведением овец, то во второй половине XIX в. в результате конкуренции американской и австралийской шерсти цены на мировом рынке упали, и они были вынуждены переходить на производство пшеницы. Тем более что этому способствовало быстрое развитие новых портов Таганрога, Ростова-на-Дону и Азова, вблизи которых были расположены основные

районы земледелия. Быстрее всего сориентировались немецкие колонисты, которые стали применять конную тягу и многолемешные плуги-бункеры. Ученый-агроном И. Греков определял значение немецкого колониетского присутствия и хозяйствования так: «В немецком колониетском хозяйстве впервые обозначились ... новые приемы хлебопроизводства, коим впоследствии стали подражать у нас и помещики, и крестьяне, и казаки, и тавричане, и другие колонисты»⁵.

Хозяйства колонистов в Донской области считались в то время образцовыми. Они имели лучший для того времени сельскохозяйственный инвентарь, который состоял из многолемешных плугов, жаток, соломорезок, машин для обдирки кукурузы и многих других орудий и приспособлений. Для перевозки грузов использовались арбы и подводы с железными ступицами и ободьями, на которых можно было перевозить до 60 пудов груза. Например, колония Эйгенгейм имела плугов различной системы — 64, косилок — 22, борон — 75, сеялок — 22, брочек — 62 и так далее⁶.

В каждом колониетском дворе имелись породистые и продуктивные животные, среди которых выделялись рослые лошади, молочный скот, именовавшийся на юге России «красной немецкой породой», свиньи, овцы и птица.

Какую роль сыграли немецкие колонии в производственном отношении? Являлись ли они примером для окружавшего колонии населения?

Ответы на эти вопросы в немалой степени дают местная пресса, мнение местного населения, агрономические съезды, отчеты статистических комитетов. О немецком хозяйствовании говорили и писали, но включать в свою жизнь не решались.

Ближе всех к колониетам были агрономы, и именно они могли оценить деятельность немцев. В начале XX в. съезд донских агрономов предложил казакам и крестьянам использовать опыт немецких колониетов. А. М. Греков, выступавший на съезде, прямо указал на этот опыт и сделал вывод: «Кустарные промыслы и небольшая своя ремесленно-заводская земледельческая организация по станицам на артельных началах — вот что необходимо. Пробудив самодеятельность казаков, они бы могли в то время явиться средством искусственного поднятия размеров казачьего хозяйства: не увеличивая земельной площади, оно лишь отвлекало бы часть населения к занятиям хотя и не земледельческого свойства, но имеющим с ним тесную связь»⁷.

«Берите пример с немцев!» — звучало в конце многих выступлений и конкретно уточнялось: в многочисленных колониях имеются свои небольшие заводы и мастерские, различные ремесленные предприятия, работают кирпичные, кожевенные, пивоваренные предприятия, различные кузницы, паровые и водяные мельницы, маслобойни. Например, близ станции Миллерово находится немецкий поселок, владеющий всего 17 десятинами. На этой площади находится 3 паровые мельницы, 2 механических завода (сельскохозяйственных орудий) и необходимые постройки⁸. Эти промышленные учреждения питают многие окрестные селения, доставляя им богатый заработок. «Колонист едет в город только для продажи хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Покупает же он у себя дома, в колонии все, если колония земледельческо-ремесленного типа»⁹.

На съездах донских агрономов особенно выделялось значение применения в колониях новой, малоизвестной на Дону техники. Применение многолемешного немецкого плуга — буккера и жатки совершенно изменило сущность степного полеводства, подняв его до высокой степени интенсивности.

Несколько позднее распространились в области веялки и жатвенные машины с ручным сбрасывателем. Появились катки для прикатывания посевов весной, а зимой для снегозадержания. Соломорезки, разбросные сеялки и другой сельскохозяйственный инвентарь были привезены колониетами из южных украинских губерний.

Все эти машины и приспособления появились в казачьих и крестьянских хозяйствах благодаря немецким колонистам, и донские аграрии, называвшие колонистов «нашими учителями», совсем не грешили против истины. К тому же распространению улучшенных орудий и машин в крестьянском хозяйстве весьма значительно содействовало то обстоятельство, что многочисленные мастеровые и механические заводы немецких колоний (где работали и служили по преимуществу русские крестьяне) дали местным селам большое число мастеровых, способных осуществлять починку машин, и часть из них открывала в селах свои мастерские.

Можно привести примеры и других новшеств в сельскохозяйственном производстве, усадебно-бытовых вещей, которые появились у местного населения благодаря колонистскому производству и быту. В частности, использование для кровли жилых и хозяйственных помещений пожаростойких материалов, выведение новых пород домашнего скота, применение удобрений, травосеяние и насаждение лесозащитных полос.

И если донские агрономы указывали на положительные стороны влияния немецких колонистов на Дону даже накануне Первой мировой войны, то часть местной и центральной прессы начиная с 90-х годов XIX в. стала помещать статьи, обвиняющие немецких поселенцев в хищническом характере арендаторства, в варварском отношении к земле, в опасном для местного крестьянства расширении немецкого колонистского землепользования¹⁰.

А с начала войны правительство издает ряд ограничительных законодательств, которые запрещают разговаривать на немецком языке, немецким населенным пунктам присваиваются русские названия, ликвидируются немецкое частное и общинное землевладение и землепользование, а также часть немецких колонистов переселяют из европейской части страны в Сибирь¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колоний. М., 1917; Витте Ю. О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях // ЖМГИ. 1854. Ч. XIII. № 10.

² Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб, 1869. Вып. 1.

³ РГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 41, ч. 1, л. 300.

⁴ ГАРО, ф. 213, оп. 1, д. 4741, л. 64.

⁵ Терещенко А. Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского / Донской временник. Ростов н/Д, 1995. С. 43.

⁶ ГАРО, ф. 3 01, оп. 7, д. 4904, л. 82-8 3 об.

⁷ Там же, с. 145.

⁸ Линдеман К. Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г.; 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России. М., 1917. С. 209.

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ Новое время, 1910—1917; Вечернее время, 1914—1917.

¹¹ Ауман В. А., Чеботарева В. Г. История российских немцев в документах (1763—1992 гг.). М., 1993. С. 36—54.